

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ РЕЧИ В ЗЕРКАЛЕ НОВЕЙШЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ «КИТАИСТ»)

О. В. Арзямова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 марта 2018 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме описания основных способов трансляции лингвокультурной информации, осуществляемой в рамках художественного дискурса. Исследование выполнено на материале романа Елены Чижовой «Китаист». Целью исследования является описание актуальных лингвокультурных процессов, происходящих в русской речи, которые находят свое отражение в тексте романа. Среди деструктивных явлений отмечается: преобладание просторечного, сниженного типа речевой культуры; экспансия матерного слова; немотивированное смешение родного и неродного языков; стереотипность официальной речи; глобальное разрушение фонетического и грамматического строя языка, которые свидетельствуют о том, что художественный дискурс испытывает разрушительное влияние со стороны нелитературных форм русской речи.

Ключевые слова: текст, художественный дискурс, лингвокультурные проблемы, языковые девиации, процессы деструкции.

Abstract: the article is devoted to the problem of describing the main ways of translation of linguistic and cultural information carried out within the framework of artistic discourse. The study is based on the material of Elena Chizhova's novel "Sinologist". The aim of the study is to describe the actual linguocultural processes characteristic of Russian speech and reflected in the text of the novel. Among the destructive phenomena observed: predominance of colloquial, reduced the type of speech culture; the expansion of abusive words; unmotivated mix of native and non-native languages; stereotypical nature of the official speech; the destruction of the global phonetic and grammatical structure of the language. All these trends suggest that the discourse is experiencing the destructive influence from the non-literary forms of the Russian language.

Key words: text, fictional discourse, linguistic-cultural problems, linguistic deviation, processes of destruction.

Роман «Китаист» Елены Чижовой – это антиутопия, обращенная одновременно и в советское прошлое, и в наше неокapиталистическое настоящее. Являясь номинантом премии «Русский Букер» 2017 г., роман был неоднозначно оценен читателями и литературными критиками, многие из которых выразились о его содержании резко отрицательно, хотя и отметили, что в нем в саркастической форме показана политическая, идеологическая и языковая ситуация нашего времени [1; 2].

Не вдаваясь в литературные коллизии вокруг содержания романа, нам хотелось бы обратить внимание на то, что в нем обозначены актуальные проблемы, которые свидетельствуют о разрушительных и негативных процессах, происходящих в русском языке новейшей эпохи.

Как известно, художественный текст репрезентирует вымышленную модель окружающего мира, в которой опосредованно передается национально-культурная специфика как вербального, так и

невербального поведения общества, сформировавшегося под воздействием определенных исторических, социальных, культурных и идеологических факторов. И в этом плане «язык художественной культуры не столько формирует, сколько создает некоторую проекцию генерируемой художником реальности в социум...» [3, с. 41].

Новый роман Елены Чижовой «Китаист» (2017) представляет собой саркастический симулякр, в котором история распорядилась по-другому. Советский Союз не победил в Великой Отечественной войне и был аннексирован Германией. Военные действия между странами продолжались до полного изнеможения обеих сторон, и только в 1956 г., когда уже некому стало воевать, противники заключили перемирие, согласно которому территория Центральной России перешла к Четвертому рейху, а СССР сохранил за собой земли, расположенные за Уральским хребтом.

Анализ романа показывает, что характерные черты речи персонажей становятся своеобразными маркерами окружающей российской действительности.

сти и опосредованно отражают актуальные проблемы русской речи на современном этапе исторического развития.

1. Одной из злободневных проблем современного российского общества становится **преобладание просторечного, сниженного типа речевой культуры** среди носителей языка.

Знаковой чертой романа становится новояз – так называемый «нем-русский язык», на котором общаются жители неофашистской Новой России, в отличие от литературного «сов-русского языка», который сохраняют и используют граждане Советского Союза.

В «Китаисте» представители так называемой Новой России пренебрегают традиционными нормами русской речи, открыто демонстрируя просторечный, сниженный тип речевой культуры.

Главный герой романа, Алексей Руско, гражданин Советского Союза, аспирант, филолог-китаист, едет на конференцию в Новую Россию, теперь аннексированную Германией. В поезде он знакомится с девушкой Евой, которая в качестве иностранного специалиста работала инженером на советском заводе. Алексей сразу замечает, что попутчица и манерой поведения, и речью заметно отличается от советских граждан:

«– Ты до конечной? – Девушка, сидевшая напротив (за это время она не проронила ни слова, но он все равно различал в ней чужое, выдававшее россиянку) <...>

– Ты оттуда? – она махнула рукой против хода поезда».

Героя раздражает фамильярность попутчицы, он привык в общении с незнакомыми людьми использовать уважительное «вы»: «Сказать по правде, ее назойливое ты коробило», и он делает вывод о том, что «девушки, к которым привык сначала в школе, а потом в институте, и разговаривают, и выглядят иначе».

Являясь носителем нем-русского варианта языка, Ева активно использует редуцированные, усеченные формы слов: «Так ты чо, не с Москвы?»; «У вас, грю, цех или чо?»; «Да ты чо! – она махнула рукой...»; «Да ты чо, мля, – девица откликнулась, растягивая гласные...»; «Кухуек ничо себе, натуральный, – она сделала глоток на пробу. – А то бывает, растворимый сыпют – ваще отрав».

С целью воспроизведения обыденной речи граждан Новой России автор использует в романе буквенную, или «фонетическую запись», передавая особенности произношения и имитируя сниженный стиль речевого общения. Особенности интонирования и/или смыслового выделения осуществляются, например, посредством дублирования гласного. Употребление так называемых «компрессированных и стяженных форм» [4, с. 245], ведущих к процессу

«аллегризации» фонетической структуры слова, «при котором аллегривая (редуцированная, усеченная) форма (АФ) становится нормой» [5, с. 60]. Например, в романе используются следующие аллегривые формы: *грит, хошь, чо, кроче, обшчих, ничо, ваще*. Подобные явления, на наш взгляд, свидетельствуют о существенном качественном и количественном обеднении современного русского языка.

2. Другой, не менее важной проблемой, становится **экспансия матерного слова**.

Представленная в романе «Китаист» языковая ситуация свидетельствует о резком снижении границ и норм лингво-эстетического критерия, о расширении социокультурного влияния со стороны просторечного и матерного слова. Экспансия грубого матерного слова может рассматриваться как явная угроза сохранению культурной целостности современного русского языка новейшего периода. Непристойные слова и выражения разрушают, выхолащивают родной язык изнутри, безжалостно уничтожая культурные, моральные и духовные ценности русского народа:

«А ты думал – блядь, – девушка улыбнулась открыто и дружелюбно...»; «Ну ни хера-а себе! – она пропела восхищенно...»; «Ваша докторская – говно»; «Или так, или хер тебе»; «Меня-то хрен разведешь!»; «Хоть жопой ешь»; «Мне-то на хрена...» и др.

Алексею для того, чтобы стать понятным попутчице, даже приходится использовать матерное слово:

«– Признаться, я слегка опешил.

Девушка прищурилась.

– Вас хайст?

– Ну... – он задумался, подбирая синоним из ее лексикона. Вдруг, будто срываясь с ледяной лестницы, выпалил: – По-вашему: охуел.

– Так бы и грил, – она ответила недовольно. – А то выдумываешь, слова типа всякие».

В романе нормативные литературные слова часто заменяются вульгарными, грубыми или циничными. При этом традиционные этические нормы утрачиваются:

«Ну да. Чо мне ихняя Москва... А этот, желтый, еще и рожей крутит: надо предупредить, вас типа много... Меня, грю, не много. Это вас, грю. Хоть жопой ешь»; «От желтые, ничо-то им не дается. Чисто тараканы. Понаедут, мля, и стоят... – женщина в длинной распахнутой шубе (о такой мечтают его сестры) обдала его яростным взглядом, будто плеснула кипятком».

Оттолкнувшись от содержания романа, можно провести параллель применительно к речевой ситуации наших дней. К сожалению, в реальном российском социуме просторечие воспринимается многими носителями как язык общения «простого человека». Наблюдается процесс активной «жаргонизации устной интеллигентской речи» [6, с. 126], который, не-

сомненно, должен рассматриваться как негативное явление, разрушающее традиционные речевые и этические нормы русского литературного языка.

3. Еще одна актуальная проблема, которая находит свое отражение на страницах романа «Китаист», связана с **немотивированным смещением языков и функционированием эрзац-языка**, распространение которого также влечет за собой потерю национальной и культурной идентичности.

Данная проблема, репрезентируемая в романе, имеет ярко выраженный лингвоэкологический характер. Речь идет о новоязе, нем-русском языке, придуманном автором, – особой гремучей смеси немецкого и русского языков:

«Но никаких наших там уже не было. Вместо них мелькало определение нем-русские, в котором слышался другой, подспудный смысл: русские, но немые, лишенные родного языка».

«Дети переселенцев, горожане в первом поколении, приняли новый язык безоговорочно. Однако подлинными энтузиастами, как это ни странно, стали немцы. В их национал-патриотическом сознании популярный лозунг тех лет: Neue Heimat – neue Sprache! – преломился особым образом <...> арийским гражданам Нового Рейха была обещана новая собственность: дома, квартиры и земельные участки на завоеванных восточных территориях. А значит, и новый язык».

Для того чтобы показать, что представляет собой новый нем-русский язык, в романе активно используются варваризмы: *арбайтали* (работали), *кухук* (кофе), *ферботен* (запрещено), *шпрехаешь* (говоришь), *ауфидерзейн* (до свидания) др. Например:

«Да хрен там... – она вздохнула. – Арбайтали. В смысле, эта... работали. У ваших схема полетела. Делаю замеры, влажность ваще зашкаливает. У вас, грю, цех или чо?»;

«– Ну чо, кухучку тяпнем? – Его спутница ожилилась. – А потом, эта, будем покутить. Надеюсь, ты не рехнутый на своем здоровье?»

– А тут разве можно? – он спросил вопросом на вопрос.

– На вашей стороне – ага. Это у нас ферботен. О народе заботятся. Козлы!»;

«Обо... што? А! В смысле, не делать обичих выводов. Не, классно ты ваще шпрехаешь! – она щелкнула зажигалкой»;

«Да ты чо! Чистая Европа, – девица отставила ногу, демонстрируя высокий сапог на молнии. – Меня-то хрен разведешь! Кроче, элементарно. – Куда все смотрят? На лицевую. А главное – чо? Изнанка. Выворачиваешь, шупаешь: нашел косяк – все, ауфидерзейн вашей баушке...»;

«Территория ваша. А деньги наши, – девица хмыкнула. – Ист аус хальява. Ауфидерзейн, эсэсэр».

Варваризмы активно перемежаются с разговорно-просторечными словами и жаргонными выражениями: *у фатера бабла как грязь; чо, облом; ваще жесьть; клево; с дуба рухнул; чо, бабосы готовь; с бабосиками плохо* и др., которые также свидетельствуют о низком уровне носителей речевой культуры.

Несмотря на то, что в романе представлена вымышленная ситуация, она опосредованно передает реальную языковую обстановку наших дней (на наш взгляд, не всегда эстетически оправданным способом!), когда уже устоявшимся фактом становится чрезмерное использование в русской речи заимствованных и жаргонных слов.

В традиционной русской речевой культуре нормативный критерий предполагает «соблюдение этики речевого поведения и не допускающий в речи и языке того, что подводится под категорию безобразного и “безвкусного”, и который приобретает в наше время большое значение в связи с распространенностью в речевой практике жаргонных вульгаризмов и лингвоцинизмов» [7, с. 124].

В «Китаисте» автор намеренно смешивает немецкий и русский языки, что несколько расходится с реальной действительностью.

На самом деле русский язык новейшего периода испытывает глобальное влияние со стороны не немецкого, а английского языка. Однако автор романа сознательно заменяет английский язык немецким: для него особенно важным становится показать идеологическую подоплеку происходящих событий. На завоеванных территориях преваляющим языком становится язык врага, с помощью которого провозглашаются ценности «Новой России». Так называемый «нем-русский язык» стремится разрушить духовную и нравственную культуру русского народа, сделал ее примитивной, вульгарной и циничной.

Примером разрушения языка становится перевод на нем-русский язык романа Ф. М. Достоевского «Идиот», с фрагментом которого с нескрываемым чувством презрения знакомится главный герой романа:

«В конце ноября, хотя снега ваще-то не было, по утрянке, часов эдак в девять, цуг Питерско-Варшавской железки на быстрой скорости гнал к Петербургу. За окном стоял такой собачий холод и туман, что, казалось, хрен рассветет. В десяти шагах, вправо и влево от дороги, фиг разглядишь чо-нибудь из вагенфенстера. Из пассажиров были те, которые валили назад из-за бугра; но больше всего набилось в отделение для желтых, какая-то мелкая сволочь и подонки с ближних станций. Все обалденно устали, у всех глаза в кучу, мозги раком, к тому же продрогли как собаки, морды бледно-желтые, вроде под цвет тумана...».

Представленный выше фрагмент, на наш взгляд, следует рассматривать как пример «лингвотоксично-

го» текста [8], ущерб которого может быть сравним с ущербом, нанесенным в результате так называемой «языковой травмы» [9], которая оказывает глобальное разрушительное воздействие на сознание и речевое мышление носителей языка.

4. Проблема **стереотипности официальной речи** также находит свое смысловое отражение в тексте романа.

У обеих политических сторон (немецко-русской и советской) есть свой тоталитарный язык, который активно используется для «промывания мозгов» населения. Например: *временно оккупированные территории; миролюбивая политика партии и Правительства; чума капиталистического мира*. Например:

*«Начиная с этой даты (листая желтоватые подшивки, он невольно это отметил), исчезло, будто кануло в Лету, прежнее газетное словосочетание, привычное советскому уху: временно **оккупированная территория**. Уйдя из официальной, оно сохранилось в разговорной речи».*

*«Нет, память о пережитых страданиях не ушла. Советские люди не хотели войны – ни тогда, ни теперь, по прошествии десятилетий. В этом смысле **миролюбивая политика Партии и правительства** встречала всеобщее и полное одобрение».*

*«...но **оголтелое потребительство, эта чума капиталистического мира**, постепенно распространялась на другие городские слои, а судя по многочисленным радиопередачам, посвященным растущей зажиточности колхозников, и на сельское население».*

Обращает на себя внимание особая **политизированная идеология языка**, передающая атмосферу «холодной» и экономической войны: *удалось урегулировать множество политических конфликтов; предотвращение нападения; потенциальный агрессор*. Например:

«До войны этой всемирной организации – в той или иной степени успешно – удалось урегулировать множество политических конфликтов. Называли даже цифру: более сорока. Основным ее успехом считалось предотвращение нападения на Маньчжурью со стороны Японии: потенциальному агрессору пригрозили серьезными экономическими санкциями вплоть до полной изоляции. Однако санкции, наложенные на Новую Россию, к успеху не привели. Главным образом по вине США. Соединенные Штаты, цинично игнорируя решения международного сообщества, наладили взаимовыгодное сотрудничество с российской хунтой. Дошло до того, что, окончательно утратив связь с реальностью, Россия попыталась вступить в Лигу Наций, но СССР, еще с довоенных времен обладавший правом вето, эти попытки пресек».

Ходульность языка передается при помощи выражений, проникнутых милитаристской семантикой: *бойцовский поступок, проверенный боец, старый пехотинец*:

«Или, например, “бойцовский” – слово, для него самого связанное исключительно с петухами. Но здесь, в России, оно считалось синонимом смелости, например, “бойцовский поступок” – будто смелость россиянина обязана петушиться, наскакивать на противника, лезть на рожон. Еще одну характерную деталь он обнаружил на последних страницах местных газет, где помещались частные некрологи. Каждый усопший из черных, вне зависимости от его биографии, именовался “проверенным борцом”. Синим покойникам полагался эпитет “старый пехотинец”».

Ложная патетика, или так называемая «немецкая велеречивость», основывается на употреблении устойчивых штампов, схожих с процессом навешивания ярлыков, или так называемым «ярлыкообразованием» [8, с. 29]:

*«Впрочем, следы нацистской велеречивости встречались не только в смерти, но и в обычной жизни, как она была представлена в местных газетах: не результат, а конечная победа; не достижение, а геройское свершение; не цель, а высота или плацдарм, который надо взять. Попадались и более прикровенные выражения, чьи национал-исторические корни обнажались далеко не сразу: знамя – **полюхающий стяг**; случай – **историческое событие**; решение – **воистину историческое решение**; не субботник, а **труд народного единения**; не летопись, а **сага**; не суп, а **похлебка**; не черные, а **выходцы из народа**».*

Советская Россия, представленная в романе, во многом напоминает СССР периода сталинизма и брежневского застоя. Обращают на себя внимание характерные детали – нехватка одежды и продуктов питания, идеологическая пропаганда, тотальный контроль над гражданами, изоляция и ликвидация инакомыслящих.

Кодированность и шифрованность речи проявляется также в том, что нейтральные слова подвергаются семантической трансформации, изменяют значение и приобретают идеологические коннотации.

Так, например, в Советском Союзе *погиб* считается словом с дурной репутацией:

*«Он морщится: **погиб** – плохое слово. Такие слова он произносит неохотно, будто отдает дань реальности, с которой порой приходится считаться. Даже ему, отдающему предпочтение другим словам: исчез, остался в прошлом».*

*«Твоим сестрам повезло. На их отца пришла похоронка. Ты уже взрослый, должен понимать, – голос тусклый, померкший, не оставляющий никакой надежды, – **погиб** – клеймо, останется на всю жизнь».*

Всюду, куда ни придешь, придется заполнять анкеты...».

В Новой немецкой России слово *мандарин* считается неприличным, обозначающим гомосексуальные отношения, находящиеся под запретом:

«– Знаешь, кто такой – мандарин?

– Манда... рин? – она повторила кисло и сморщилась. – Ты чо, спятил? Тут же... люди!

– И что? – он оглянулся. – Пусть послушают, в конце концов, долгая история мандаринов...

– Да тихо ты!»;

«Ладно, не злись, – она заговорила нормальным голосом. – Мандарин, натурал – лично мне фиолетово. У меня и друзья из этих. А чо, клевые парни. Тока болтать-то чево? Потом ходи, объясняй, на рожки ихние любуйся, – она передернула плечами. – Бр-р-р!».

Утрата традиционных значений слова влечет за собой десемантизацию, в результате которой разрушаются привычные связи между словами и понятиями, их обозначающими.

5. Проблема **разрушения звукового и грамматического строя русского языка** находит свое отражение на примере фонетических и грамматических девиаций, используемых в тексте романа. С этой целью автор активно использует **солецизмы**, репрезентирующие ненормативное употребление фонетической и/или грамматической формы слова.

Например, речь Любы, сестры Алексея, изобилует солецизмами:

«Чумадан – к стенке. Давай. Приславивай. А это чо такое? – она воззрилась на него с изумлением»;

«...То-то я... Эта... думаю, из желтых... А ты во-он оно што!»;

«Ой, эта... проходи, коидор туточки... Дык ты чо, мне, што ли... брательник?»;

«Суда, суда, в кресло... На кухне буюм. В зале бардак совсем. Ну, давай, рассказывай, – она села на стул и сложила руки. Старик примостился на табуретке».

В процессе языкового анализа романа мы определили основные способы трансляции воспроизводимой лингвокультурной информации применительно к новейшему периоду развития русского языка. В результате следует отметить, что различные языковые

нарушения, активно встречающиеся в тексте романа, свидетельствуют о деструктивном характере художественного дискурса, испытывающего разрушительное воздействие со стороны нелитературных (субстандартных) форм русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коробова А. Антиутопия, утопившая саму себя / А. Коробова. – Режим доступа: <http://gospisatel.ru/kobozeva.htm>. – Рец. на кн.: Чиждова Е. С. Китаист : роман / Е. С. Чиждова. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 604 с.

2. Костырко Сергей. Два в одном / Сергей Костырко // Знамя. – 2017. – № 10. – Рец. на кн.: Чиждова Е. С. Китаист. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2017/10/dva-v-odnom.html>

3. Сумина Т. Н. Текст и контекст художественного произведения : философско-культурологический анализ / Т. Н. Сумина // Вестник Моск. гос. ун-та культуры и искусства. – 2014. – № 5 (61). – С. 39–43.

4. Литневская Е. И. Письменные формы разговорной речи (к постановке проблемы) : монография / Е. И. Литневская. – М. : МАКС Пресс, 2011. – С. 239–262.

5. Пальшина Д. А. ЩАС : путь слова из «речи в язык» / Д. А. Пальшина // Мир русского слова. – 2016. – № 2. – С. 60–63.

6. Кудинова Т. А. Изменения в функциональной системе русского языка XXI века / Т. А. Кудинова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2010. – № 4. – С. 124–128.

7. Сковородников А. П. Экология русского языка : монография / А. П. Сковородников. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. – 388 с.

8. Сковородников А. П. Лингвотоксичные явления в речи и языке / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 28–32.

9. Сковородников А. П. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина // Медиалингвистика. – 2017. – № 4 (19). – С. 70–79.

ИСТОЧНИК

Чиждова Е. С. Китаист : роман / Е. С. Чиждова. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. – 604 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Арзямова О. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: arzyamovuy@yandex.ru

Тел.: 8-960-139-44-77

Voronezh State Pedagogical University
Arzyamova O.V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department

E-mail: arzyamovuy@yandex.ru

Tel.: 8-960-139-44-77